

Яблоня от яблочек

Луковцева Лидия

Лидия Луковцева

Яблоня от яблочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69452164

SelfPub; 2023

Аннотация

Разве можно на старости лет вернуть юность и упущенное когда-то личное счастье? Сбежавшая невеста, а ныне просто уставшая пенсионерка возвращается в родной город, чтобы – пусть не вернуть, а хотя бы попытаться. Вот только мужчину, ради которого она проделала путь через всю страну, через несколько минут после встречи находят мертвым в парке. Седьмая книга серии "Детектив из глубинки" повествует еще о нескольких судьбах жителей провинциального поволжского городка и похождениях пожилой артюховской "детективши" Зои Васильевны. Она помогает подруге-однокашнице разобраться с тайнами личной жизни, а заодно раскрыть серию убийств. И никакого на этот раз золота, всего лишь немного криптовалюты!

Содержание

Дипломатия – это умение нагадить в душу	4
Каждому человеку дано свое дело	30
Если тебе предстоит пройти через ад	46
Имей одну-единственную подругу	68
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лидия Луковцева

Яблоня от яблочек

Дипломатия – это умение нагадить в душу

Слежку мужчина заметил не сразу. Вернее, он ее почувствовал и попытался сразу обнаружить, обращая внимание на тех, кто казался ему подозрительным. То есть – на мужчин, неторопливо, но настойчиво шагающих за ним, на встречных, окидывающих его преувеличенно равнодушным взглядом, на тех, кто обгонял его, лавируя в толпе и прижимаясь к нему почти вплотную. Толпа, прямо скажем, была не так уж многочисленна, чтобы возникала нужда прижиматься, а карманники в наше время, слава богу, уже практически перевелись. Поэтому от таких вот, прижимающихся, он особо испуганно шарахался.

А на двух теток примерно его возраста мужчина обратил внимание не сразу, потому и не мог сказать, давно ли они следуют за ним, то приближаясь, то отдаляясь, то вдруг вообще исчезая из вида, может, свернув на другую улицу. Но когда тетки возникли у него за спиной в очередной раз, неотвратимые, как судьба, у мужчины в голове щелкнуло.

Ведь это идеальная слежка! Разве вот таких теток: пожилых, обыкновенных, в пестрых летних одеждах турецко-китайского пошива – можно заподозрить? А они-то и есть самые опытные – демонстрирующие эту свою обыкновенность. Гуляют себе и гуляют две подруги по улицам родного города. Наматывают нужное количество шагов, в соответствии с рекомендациями теледокторов. Времени полно, внуки выросли. А может, приезжие, гости города – в Поволжье гостевой сезон. То остановятся у киоска с мороженым, то притормозят, разглядывая красотку на обложке глянцевого журнала в витрине киоска «Роспечать», едва мужчина начинает поворачивать голову в их сторону. Причем проделывают это довольно шустро, успевая осуществить процесс увлеченного разглядывания красотки до того, как он успевает оглянуться окончательно.

Как только мужчина уяснил, кто за ним следит, тетки тоже скоренько просекли, что спалились. Тут, по идее, они должны были бы отстать, чтобы их подменили другие коллеги по «наружке». Но, когда он заполошно оглянулся в очередной раз, одна из теток, в нарушение всяких правил конспирации, вдруг решительно направилась к преследуемому.

Он мысленно присвоил ей псевдоним «Бабища», хотя женщина была комплекции вовсе не устрашающей. Ну да, высокая, габаритная, статная... Скорее, дама-позитив. Но эта несуразная, на его взгляд, кокетливая соломенная шляпка с голубой розочкой!..

Вторая тетка – среднего роста и средних объемов. Она топталась на месте, лишь отступив к краю тротуара.

Мужчина резко остановился и, повернувшись, ждал приближения Бабищи. Держа в одной руке свернутую в трубочку газету, он злобно постукивал газетной трубкой по ладони другой руки, с намерением уstrasшить преследовательницу. Это до чего же дошло! Совсем обнаглели!

Однако не уstrasшил. Бабища неумолимо приближалась.

– Простите, вы не Купцов? – спросила она, приблизившись, и лучезарно улыбнулась, – Олег Купцов?

Вся из себя такая простодушная. Типа, ой, обозналась, с кем не бывает?

– Пошла вон!!! – рявкнул мужик, выпучив зенки. – Где вас только набирают таких?

Наглая преследовательница, уподобившись вертолету, взлетела в воздух без разбега, но далеко не улетела. Низко пошла. Может, когда-то она и была легче перышка, но сейчас в это трудно было поверить.

Однако за время своего недолгого полета она успела сконцентрироваться, что свидетельствовало о хорошей реакции. Наверное, в свое время занималась спортом. Приземлилась довольно удачно, едва не сбив с ног испуганно шарханувшегося от летящего снаряда паренька.

В какой-то мере приземление смягчил оброненный ею в полете надкушенный пломбир в вафельном стаканчике. На него шпионка и приземлилась. И тут же, довольно резво для

своих возраста и комплекции вскочив, тетка в крайней степени озлобления уточнила не совсем в тему, в сложившейся-то ситуации:

– Каких это – «таких»?!

– Фемин сушеных! – охотно пояснил мужик, тоже вне всякой логики: с одной стороны – Бабища, а с другой – сушеная.

Впрочем, если есть женская логика, мужская ведь тоже имеет право на существование? Во-первых. А во-вторых, это было его традиционным ругательством в ссорах с женой, женщиной миниатюрной. Только вот Бабища в эти подробности не была посвящена, как и в то, что она Бабища.

Дама-вертолет, захлебнувшись от возмущения, издала писк. Это был редчайший случай в ее биографии, когда не находилось слов, даже междометий, одни звуки.

К чувству ее справедливого негодования мужским хамством присоединилось смутное чувство протеста. Протест адресовался не к «фемине», что при желании можно было принять за комплимент. Но до «сушеной» ей было еще сохнуть и сохнуть!

Формами своими тетка если не гордилась, то и не комплексовала по поводу их объемов – вполне приличные объемы, в возрастных рамках. Она любила иногда со сдержанной гордостью поведать знакомым, как, проходя несколько лет назад диспансеризацию, в порядке кокетства сказала симпатичному, тоже немолодому доктору, что не мешало бы ей похудеть. А седовласый доктор с энтузиазмом воскликнул:

– Что вы, что вы! Ни в коем случае! У вас прекрасный вес. И было это всего-то пару-тройку лет назад. А тут такой эксцесс!

В Библии – там у них в начале было слово. У тетки, как уже было сказано, вначале был звук, только потом родилось слово.

– Хам! Чистопородный артюховский хам! – с чувством констатировала она.

– Шляпуними! – процитировал артюховский хам реплику из «Кавказской пленницы».

– Что?! – опешила тетка.

– Шляпуними. Нацепила! Думаешь, замаскировалась? Как на корове седло! – издевательски бросил мужик и, развернувшись, неторопливо пошагал дальше.

Он уже понял, что ошибся в отношении этих баб, и гора свалилась с его плеч. С одной стороны. С другой стороны, отвлекшись, он прозевал настоящую слежку. Если, конечно, она вообще была.

Нервным он, однако, стал чрезмерно! Так ведь и станешь. Олег Купцов – ну надо же!

Оглянувшись через несколько шагов еще раз, для страховки, мужик увидел прихрамывающую вертолетчицу, удалявшуюся по тротуару к поспешавшей ей навстречу спутнице. Неэстетичное пятно от пломбира на ее легкой светлой юбке расплылось в районе весьма объемной пятой точки. Наверно, аппетитной была в свое время попочка.

Мужик мстительно ухмыльнулся. Оглянувшись вторично, удостоверился, что от мысли его преследовать лже-шпионки отказались. Вторая баба, согнувшись, проделывала какие-то спасательные мероприятия с юбкой Бабищи, а та, извернувшись, демонстрируя почти римский профиль, бурно жестикулировала, произнося гневную тираду. В его адрес, разумеется! Цицеронша, мать твою.

Впереди показался сквер, носящий имя Братского садика. Мужик вошел в него и, дойдя до памятника солдату-победителю, присел на лавочку – ноги не держали, все же перенервничал. Достал пачку с сигаретами, подержал ее в руках в некотором размышлении, но закуривать не стал.

Не стал он также засовывать пачку обратно в карман, а, помедлив, встал, отошел к соседней, тоже пустующей, лавочке и выбросил пачку в урну. Видимо, решительно и бесповоротно надумал с курением завязать, и настал момент сделать такой символический жест. Но чтоб не возникло искушения вытащить пачку обратно, выбросил ее подальше, хотя урна имелаась и рядом с его лавочкой. Потом вернулся обратно, подальше от соблазна, а может, просто облюбованная им раньше лавочка была ему более симпатична. Или голубой цвет ему больше импонировал, чем желтый (лавочки были окрашены в разные цвета).

Мужик, присев на лавочку, перевел дух и откинулся на спинку, вольготно раскинув руки. Вскоре с другой стороны сквера, из-за памятника, появился еще один мужик и подсел

к первому, бесцеремонно его потеснив.

Между тем неудачливые «наружницы» и не подумали отстать от объекта. Распрявившись после того, как почистили перышки, точнее, юбку Бабищи, они все же успели заметить, что чистопородный артюховский хам скрылся в сквере.

– Слушай, – сварливо сказала та, что подходила удостовериться и поразила Купцова способностью взлетать как вертолет, – Я все-таки хочу расставить точки над «ё»!

– То есть?

– Хочу окончательно удостовериться, Купцов он или не Купцов. Хотя, в общем-то, уже и так понятно, что не он.

– И когда тебе это стало понятно?

– Купцов никогда бы не сказал, что шляпа на мне, как на корове седло.

– Он же не предполагал, что это ты.

– Любой знакомой женщине не сказал бы!

– То есть все остальное, кроме шляпки, твой Купцов МОГ бы сказать НЕЗНАКОМОЙ женщине? И сказать ТАКИМ тоном?

– Ну... Мало ли какие обстоятельства случились в его жизни! В каком он жил окружении. Влияние среды, знаешь ли...

– Жены, ты хочешь сказать? – уточнила подруга.

– Жена – тоже часть среды, и весьма существенная.

– Но не до такой же степени могла повлиять... существенная часть среды? Обычно женское влияние облагораживает!

– Мы же не знаем, до какой степени озверения могла довести эта... «среда» нормального в прошлом мужика!

– Мы же пока ни в чем не уверены. Может, у этого мужика была совсем другая среда. Не та, которую мы видели.

– Может... А может, очень похожая на ту, что мы видели. То-то он и рычит, как пес, которого палкой дразнят.

– Ну хорошо, ты подойдешь. А если он тебя опять пошлет? Или вообще стукнет? Мало тебе одной испорченной юбки и ушибленного копчика?

– Но я же сейчас пойду без мороженого. Копчик переболит, чем-нибудь помажу. Я прямо вся на эмоциях! Я, конечно, сплеховала от неожиданности, но теперь-то я предупреждена, чего от него можно ждать! Следовательно, вооружена. В любом случае, я не привыкла уходить вот так – молча утеревшись и в испорченной юбке! Тем более, утереться от Купцова! – вздернула она подбородок.

– Но ты же сейчас сказала, что тебе стало понятно, что это не Купцов. Впрочем, я и сама начинаю склоняться к этой мысли.

– Да-а-а? А у тебя какие аргументы?

– Ну, смотри. Ты называешь его фамилию. Несколько секунд у него уходит на узнавание тебя. Он мысленно отбрасывает все твои наслоения, напластования, морщины, так сказать, годовые кольца. Не настолько ты разительно изменилась, чтоб он мог не узнать любимую девушку! Опять же – голос!.. Но он не признал. Значит, не Купцов.

– Ничего не значит, хоть и логично. Он мог просто не захотеть меня узнавать, хотя и узнал, по истечении секунд, следуя твоей логике. И если так, это для меня вдвойне оскорбительно. А голос... Ты ведь тоже меня не узнала по голосу. Нет, надо все же убедиться окончательно, для чистоты эксперимента.

– Ладно, идем убеждаться.

И они пошкандыбали к скверу. Осторожно заглянув, увидели своего хама в конце аллеи, сидящим в одиночестве на лавочке под памятником Солдату-победителю. Точнее, в одиночестве он находился именно в данный момент, а от лавочки торопливо удалялся по аллее в противоположную от них сторону мужик, минуту назад, скорее всего, сидевший рядом с предполагаемым Купцовым. Мужик скрылся за памятником.

– Ты посмотри! – опять взъерепенилась Бабища, – Этот козел, обхамив женщину, сидит, как ни в чем не бывало. Развалился барином и наслаждается жизнью.

– Может, он как раз пытается тебя вспомнить? Мысленно отбрасывает твои годовые кольца?

– Купцов никогда не был тормозом! Он уже давно отбросил бы их. И потом, когда человек погружен в воспоминания, он сидит как-то по-другому... Сгорбившись, задумавшись, загрустив...

– Да нет, он вроде немножко все же запечалился. Видишь, голову повесил...

– Ага, – саркастически заметила Бабища. – Наверно, он осознал, что был со мной не слишком вежлив. Он, знаешь ли, мог запечалиться совсем по другому поводу. Может, у него есть другие причины печалиться, помимо того, что он меня до смерти напугал? Может, ему тот мужик, что убегал, какую-то неприятную вещь сказал.

– Как-то он неестественно ее повесил, свою буйну голову, тебе не кажется? Для человека, погруженного в воспоминания, так сидеть неудобно, тем более, с раскинутыми по спинке лавочки руками. В этом есть какое-то несоответствие...

– Пожалуй, я с тобой соглашусь... А вдруг ему плохо с сердцем стало? Если он даже и не Купцов, все же человек!

– Давай уже не будем гадать! – раздраженно воскликнула подруга. – Если ты еще лелеешь надежду, что это Купцов, так иди и в этом убедись! Или уже разубедись.

– Ты, конечно, права, – решительно сказала Бабища, однако не двигаясь с места и продолжая издали пристально вглядываться в своего обидчика.

– Ну?!!

– Не мешай, я думаю.

– Ты в этот-то раз хорошо его рассмотрела? У тебя была такая возможность! Вы же какое-то время разговаривали.

– Как я могла хорошо его рассмотреть! Он же, козел, сразу сверг меня в состояние когнитивного диссонанса!

– Ну а голос? Голос не узнала?

– Куда там! Он ревел, как разъяренный бугай! Ладно, пой-

ду! – решила, наконец, она. – Скажу ему, что из-за таких хамов, как он, у гостей вашего замечательного города может сложиться превратное мнение обо всех артюховских мужчинах! И еще кое-что добавлю.

– Ну, иди уже, расставляй свои точки!

– А ты что, не со мной?

– Мне-то зачем подобные потрясения? Иди одна. Тебе надо!

– Ну, Зайка, ну, пожалуйста, давай подойдем к нему вдвоем?

– Рая, да ты никак оробела? Эх ты, герой! С дырой в одном месте.

– А ты ренегатка! Я в такую даль перлась, и я все-таки гостя! А гостей принято ублажать! И уж если взялась мне помогать, так будь последовательной до конца.

– Старая шантажистка, – проворчала Зайка. – Как бы это я не взялась, интересно! Одно условие: с этой минуты ты перестаешь называть меня Зайкой!

– Честное-пречестное! А... почему?

– По кочану! Какая я тебе Зайка – седьмой десяток доживаю? Зоя я, и точка! Идем уже. Но учти, я просто рядышком постою, в ваш диалог вступать не буду. Просто группа поддержки. Разве что в самом крайнем случае. Да и ты, чтобы больше не парить в воздухе, постарайся с ним как-нибудь... поддипломатичнее. Я тебя не смогу удержать, слишком разные весовые категории.

– Отчего люди не летают? – вздохнула Рая. – «Рядышком»?

– Просто рядышком, – уперлась Зоя. – А ты, мой тебе совет, если уж горишь мстью, действуй по принципу дилетанта от политики.

– А как это – по принципу дилетанта от политики?

– Блогерша одна говорит, что дипломатия – это умение нагадить в душу так, чтобы там остался вкус лесных ягод.

– Да-а-а? Какая прелесть! Слушай... А вот вроде бы есть такая ягода – бздника? У нее что, какой-то специфический запах? Она вкусная? Не в курсе?

– Бздника – это, вообще-то, не лесная ягода, хоть и дикая. Растет сама по себе возле мусорников. Называется – паслен. В детстве ели, неужели не пробовала?

– Как-то не пришлось.

– На вкус... не очень, – сморщилась Зоя. – Если только с голодухи... Хотя с нею и пироги когда-то пекли. А причем тут бздника?

– Название очень подходящее к ситуации. БЗДНИ-КА! – мечтательно вымолвила Рая по слогам. – Подипломатичнее, говоришь? Ну ладно. Сейчас я ему вправлю мозги, вставлю клизму, надаю по щам! – Рая вводила себя в состояние боевой готовности.

– Надеюсь, только в фигуральном смысле? Не в буквальном? – напряглась Зоя, помня по молодости бойцовские качества подружки и учитывая ее нынешние габариты.

– Надеюсь, в буквальном не придется, что я, малахольная? Буду давить морально, по принципу той твоей блогерши! Наваляю ему люлей, объясню, кто кому Вася, обеспечу энурез! Чтобы после нашего диалога при воспоминании обо мне, у себя во рту он на всю оставшуюся жизнь чувствовал вкус бздники.

– Рая, – восхитилась Зоя, – ты целый синонимический ряд выстроила.

– Ну так! Филологическое образование не задушишь, не убьешь, – кивнула Рая, – Вот ты же, к примеру, до сих пор, успела я заметить, сыплешь цитатами направо и налево. Когда-то у тебя даже тетрабочка была с афоризмами и высказываниями. Зелененькая такая. Помнится, мы всей комнатой ее перлами пополняли. Она жива еще?

– Ты помнишь? – умилилась Зоя. – Живая, только потрепанная, я даже и сейчас иной раз в нее заглядываю.

– Освежаешь в памяти? Или пополняешь?

– Интересно же, что меня, юную, тогда волновало, какие мысли великих людей цепляли, – добавила Зоя как бы оправдываясь.

– И что же тебя тогда волновало?

– Да знаешь, по большому счету то же, что и сейчас. Разве что в нынешнем возрасте уже и сама могу изредка что-нибудь эдакое выдать... назидательно-философское.

– Ну, это мы все можем. Жизненный опыт, «сын ошибок трудных»!

– А тогда такие тетрадочки как-то принято было вести.

Дамы, маскируя за трепом некоторую опаску, вполне естественную в свете последних событий, направились к лавочке. Там в одиночестве сидел то ли закручинившийся, то ли задремавший, то ли погрузившийся в воспоминания неадекватный то ли Купцов, то ли не Купцов.

* * *

За пару дней до этих событий на телефоне Зои Васильевны высветился звонок без имени. На незнакомые номера она, в последнее время напуганная расплодившимися телефонными мошенниками, не отвечала. Но тут уж очень долго и настырно звонили, и звонок повторялся с краткими перерывами. Человек не оставлял надежды пообщаться.

Зоя, поколебавшись, все же нажала «вкл». Нажала и молчала, никаких тебе «да», «алло», «слушаю». В наше беспокойное время уже все бабки в курсе про современные компьютерные технологии: склейки, подражания голосам и прочие дип-фейки. Но эти телефонные прохиндеи такие изобретательные, а Зоя Васильевна – женщина внушаемая и отзывчивая, и легко поддается на провокацию. Она это за собой знала, поэтому предпочитала не рисковать.

– И долго будем молчать? – спросили на том конце насмешливо.

Голос был женский, причем женщины не молоденькой.

Молодые мошенники мужского пола разговаривают хоть и быстро, напористо, но весело и задорно, будто рэп исполняют. Не дают времени на раздумье. Прямо хочется вытянуться в струнку, забыв про старческую сутулость, и вслед за Есениным «задрав штаны, бежать за комсомолом». Или, по Маяковскому, сразу же «идти, приветствовать, рапортовать», подчиняясь молодой дерзкой энергии. Потому так много бабок и дедок попадают на их удочку, со своей замедлившейся с возрастом реакцией. Тут лучше ничего вообще не отвечать, а молча класть трубку.

У девушек-мошенниц, действующих от себя лично или от имени какой-либо компании, что по большому счету одно и то же, подход другой. Эти современные сирены – Юли-Оксаны-Кристины – воркуют и мурлычат, обволакивают нежными голосами и словесами. И Зоя Васильевна прямо воочию видит, как с их розовых язычков в подставленную тарелку капает мед и елей. Как тут не ответишь этакой милоте? По принципу – каков будет ваш положительный ответ?

– Зайка, ты там еще живая? Или от радости онемела?

– А должна? – нашлась Зоя Васильевна, слегка очумевшая от такого панибратства. И от загадки: от какой-такой радости она должна онеметь? – Мы что, когда-нибудь пили с вами на брудершафт?

В то время, как она это произносила, мысль ее уже работала, анализируя. Она не любила, когда к ней обращались вот так – «Зайка». В юности еще куда ни шло, традиция та-

кая – раз Зоя, значит, Зайка. Но в ее без малого семьдесят – какая может быть Зайка?

Близкие люди были в курсе ее неприязни к «Зайке» и уже давно так к ней не обращались. Значит, человек из юности, а такие не слишком многочисленные знакомые в телефоне значились по именам. Следовательно, звонивший – человек из прошлого, такого далекого, что даже голос она не узнала. Но в таком случае, откуда у этой напористой дамы номер ее телефона?

– Пили, и не единожды, – развеселилась собеседница. – В благословенной общаге. Ну ладно, пора колоться, а то ты так и будешь там соляным столбом стоять. Надо же, а говорят, голос с возрастом не меняется! Райку помнишь, надеюсь, в девичестве Афанасьеву? Так это я и есть! Только я теперь – Собко, Раиса Георгиевна!

– Рая?! Ох, Раечка, милая, прости! Так неожиданно. Столько лет, столько зим, где ж тут голос узнать? Но откуда ты взялась? Ты ведь уехала куда-то на Дальний Восток? А откуда у тебя мой номер телефона?!

– Потом расскажу! Телефон узнала по цепочке... Кое-какие необорванные ниточки у меня в ваших краях остались. Так хочется увидеться! Ты не против, надеюсь?

– Да о чем ты говоришь? Ты что, здесь, в Артюховске? Ты где остановилась?

– У знакомых. Я только два дня как приехала. Но собираюсь в гостиницу, не хочу никого стеснять. Люди семейные.

– Какая гостиница?! Я живу одна, меня ты не стеснишь. Собирай вещи, бери такси и дуй ко мне! Записывай адрес!

...Рая Афанасьева была ее однокурсницей. Вместе они грызли гранит филологической науки в пединституте, более того, четыре года прожили в одной комнате общежития. Внешне Рая была девушкой обычной, про которых говорят «ничего особенного», но именно у нее первой из их комнаты появился молодой человек.

Олег Купцов. Он появился еще на первом курсе, и четыре года у них с Раей протекал стабильный и надежный роман, почти до самого Раинового выпуска. Олег учился на физмате, и заканчивал на год позже. Сблизил их туризм. Ночевки в палатке, песни под гитару у костра, походные трудности – все такое... Романтика параллельно с проверкой на вшивость.

Никто не сомневался, что дело кончится свадьбой. Но что-то у них к Раиному выпуску разладилось. Может, Олегу надоело быть ведомым при сверхактивной и целеустремленной командирше-Рае, которая чем дальше, тем больше входила во вкус, и, вероятно, переступила какую-то черту.

Олег не был ни тухой, ни ботаном – тухи и ботаны туризмом не увлекаются, а если и увлекаются, то постепенно преобразуются в бывалых, надежных парней. Близкое окружение понимало, что в этой паре Олегу выпало на долю любить, а Рае – быть любимой, то есть благосклонно принимать любовь. Ну, судьба у парня такая.

Может, Рая, избалованная верностью и покладистостью

Олега, в очередной раз по какому-то поводу взбрыкнула, уверенная, что все уладится, как обычно. Однако не уладилось и не утряслось. А может, и классический вариант: откуда ни возьмись, «красивая и смелая дорогу перешла», еще и ласковая, и понимающая кошечка.

Во всяком случае, свадьбы не случилось. Олег остался заканчивать свой пятый курс, а Зоя с Раей разъехались по распределению, каждая в назначенное ей село. Несмотря на четыре года, прожитых бок о бок, совсем близкими подругами Зоя и Рая не стали, хотя отношения в их комнате вообще сложились хорошие, столько пудов соли было вместе съедено. Рая как-то больше времени проводила не в читалках, а в турпоходах и спортзале, и каждую свободную минутку зависала с Олегом. Так что послеинститутская переписка между ними довольно скоро прервалась. Позже от кого-то из однокурсников Зоя узнала, что Рая очень скоро вышла в своем селе замуж за моряка и уехала во Владивосток.

И вот – на тебе – свалившаяся как снег на голову Рая, «явление в лаптях», как говаривала когда-то она сама. Вот они сидят за праздничным дружеским столом, «коньячок под шашлычок», как в песне. Как водится, первым пунктом подобных встреч идут многочисленные «а помнишь?»

– А помнишь Гизатуллина?

– Гизатуллина?..

– Ну Альберт Гарифович! Аспирант мединститута, какие-то медицинские науки нам преподавал на курсах медсе-

стер гражданской обороны!

– А-а-а, да-да-да! Альберт Гарифович, такой красавчик!

– О да, красавчик! Обе группы ему глазки строили, а он в этом цветнике – как холодный айсберг!

– А помнишь, как проходили содержимое санитарной сумки медсестры, и этот айсберг давился от смеха во время твоих ответов! Прямо плавился.

– Моих?..

– Райка, неужели не помнишь, как ты юморила? Однажды ты перечисляла, что в сумке, кроме медикаментов, должно находиться в обязательном порядке, и для чего оно предназначено, с примерами. Дошла до ножниц и булавки.

– Для чего ножницы? – спрашивает Альберт.

– Ну, допустим, солдата на поле боя ранило в ногу. Берем ножницы, разрезаем сапог.

– Допустим. Разрезаем сапог. А булавка?

– Если окажется, что эта нога целая, скрепляем разрез булавкой и разрезаем другой сапог. Значит, ранена другая нога! Все попадали на столы от хохота. И он уже не сдерживался, буквально рыдал.

– Убей, не помню. Я другой эпизод на всю жизнь запомнила, с твоим участием. Ба, мать, да ты покраснела! Вижу, что тоже помнишь!

– Догадываюсь, какой. Еще бы мне помнить это позорище!

На зачет к Альберту Зоя надела свой лучший наряд – лю-

бимую голубую кофточку, с довольно глубоким декольте и рядом мелких пуговичек. На их курсе она не стала исключением – как многие, была влюблена в неприступного красавца-аспиранта.

Это позже они поняли, что Альберт Гарифович по возрасту недалеко ушел от своих студенток, и его чрезмерная суровость проистекала из-за малого преподавательского опыта. Да и не был он таким уж красавцем, честно говоря. Из боязни сплеховать перед сборищем нахальных девиц он изо всех сил старался от них дистанцироваться.

Скромная девушка Зоя эту напускную показательную суровость принимала за чистую монету и робела перед молодым преподавателем. Отправившись отвечать по билету, она сидела, не поднимая глаз, и в волнении без конца одергивала кофточку.

Зоя успела ответить только на первый вопрос и перейти ко второму, как Альберт Гарифович протянул руку за зачеткой. Это настолько было не в его правилах, что Зоя подняла на него удивленный взгляд. Альбертик сидел перед ней красный, как рак.

Он слыл занудой. Все из тех же соображений, выглядеть солидно и взросло, он в ожидании подвоха никогда не прерывал студенток, даже если они отвечали хорошо. А вдруг девица вызубрила начало билета, а дальше ни в зуб ногой? Еще и пару-тройку дополнительных вопросов задавал. А тут...

Зоя встала, растерянная. Альберт Гарифович, заполнив, протянул ей зачетку с каким-то странным выражением лица. Недоумевающая Зоя направилась к двери. Готовящиеся к ответу девицы дружно загоготали. Девушка, чувствуя, что причина коллективного веселья – именно она, естественно, начала себя осматривать и ощипываться.

Опустив взгляд, Зоя с ужасом обнаружила расстегнувшуюся почти до пояса кофточку (проклятые мелкие пуговички, принцип домино!), явившую нескромным взорам пышную молодую грудь.

Позже девицы ей рассказали, как с удивлением наблюдали происходящую с лицом сурового Альбертика метаморфозу. Какое-то время он благосклонно кивал, внимая Зоинному рассказу, потом вдруг глаза у него стали буквально вылезать на лоб. И когда они уже почти совсем вылезли, Альберт Гарифович сообразил, что нужно прерывать ответ, хотя студентка не дошла еще и до середины второго вопроса.

– Иначе ты бы там перед ним совсем заголилась, – ржали сокурсницы. Короче, мать, устроила ему стриптиз, скромница ты наша! Никто до такого еще не додумывался.

Зоя от срама даже в первое время хотела бросать институт. Больше всего ее волновало, что Альберт Гарифович подумает, что она это все проделала нарочно, соблазняла его.

– Зато ты сразу излечилась от любви, – утешила Райка, – Не бывает худа без добра!

...Дальше, так сказать, вторым пунктом в повестке дня,

то есть их встречи, следовал конспективный пересказ пролетевших жизней. Зое особо и рассказывать-то было нечего – благополучная жизнь. Все обычно, как у многих: хороший муж, умерший довольно рано, двое детей, живущих отдельно, единственная внучка, поздняя и долгожданная. Школа и библиотека – вехи биографии. Никаких драм и потрясений.

– А ты?

Рая действительно вышла замуж за моряка и уехала с ним на Дальний Восток.

– Да где ж ты его нашла, в селе-то?

– Приезжал к родителям после окончания мореходки. В клубе на танцах познакомились. Ходил в море, постепенно дорос до старпома. В девяностые ушел в бизнес.

– А ты?

– В школе, конечно, поработала, доросла до завуча. Позже стала чиновницей, работала в городской мэрии.

– Ты?! Чиновницей? Не могу представить!

– Ну да, а что такого?

– Да нет, вообще-то характер у тебя подходящий.

– Да я рядовой чиновницей была, по культуре. Карьерных высот не достигла, не особо и рвалась. Не мое, как выяснилось. Так, по инерции... Надо же было где-то пенсию зарабатывать, не в школу же возвращаться?

– Пенсию, наверно, неплохую заработала, чиновницей-то, – съязвила Зоя.

– Неплохую, – согласилась Рая миролюбиво. – Десять лет

назад вышла на пенсию. Два года назад похоронила мужа. Два сына, три внука. Все взрослые, все устроены, с образованием, у каждого своя жизнь. У меня квартира, дача – полный джентльменский набор.

– Короче, жизнь удалась?

– Можно сказать, да. Как сейчас говорят – все пучком.

– Как-то без энтузиазма ты это произносишь.

Рая помолчала.

– Вот что, по-твоему, старость?

– Довольно странный вопрос от женщины, которой столько же лет, что и мне! Ты-то и сама уже должна неплохо разбираться в этом вопросе.

– Ну все же?

– В каком плане? В бытовом, житейском? В философском?

– В любом. Что ты об этом думаешь?

– Я думаю... К примеру, хорошо, что утром можно поспать подольше. Для меня всю жизнь были мукой ранние вставания – на работу, детей собирать в садик, потом в школу провожать... Я сова. Так ведь не спится подольше почему-то!

– Я серьезно.

– Серьезно? А если серьезно... Я все чаще задумываюсь об одинокой старости. Как-то незаметно она подкатила. Как многие старики, наверно... Грядущей беспомощности, физической немощи. Даже человека общительного, контактно-

го, жизнерадостного всю жизнь окружает много людей близких. Но, во-первых, с годами их все меньше, а во-вторых, часто они находятся на не очень близком от тебя расстоянии, иногда даже очень неблизком. А по телефону никто тебе хлеба не купит, полы не подотрет, в баню не сводит. А я по натуре человек не слишком общительный.

– Ну, тебе-то это не грозит. У тебя дочь рядом, внучка вон, говоришь, растет. Да и мне тоже.

– Рядом, да...

– Ты тоже без энтузиазма это констатируешь. И потом, это все же неблизкая пока перспектива.

– Да уж конечно! «Неблизкая»!

– Не «да уж конечно»! Мы с тобой девушки еще молодые. Вот и давай посмотрим на старость с другой стороны.

– Интересно-интересно! Давай.

– Согласись, старость хороша тем, что можно чего-то не делать, если не очень хочется или очень не хочется. По пословице – на нашу лень будет и еще один день. В молодости такой возможности нет – надо, надо, надо!.. Все чего-нибудь да надо, и всем от тебя что-то надо.

– А сейчас разве не надо?

– Сейчас – это все вторично, все эти «надо», я сейчас не о проблемах со здоровьем, конечно. Все эти каждодневные «надо» можно и отложить на потом, как-нибудь успеется. А если не успеется – значит, и не сильно надо было.

– Звучит убедительно!

– Во-о-от! В старости можно делать все, что тебе хочется!
Ты свою обязательную программу уже выполнила. Настало время исполнять СВОИ желания.

– Пожалуй, соглашусь. А тебе-то чего хочется на данном отрезке жизни? Вроде у тебя все есть?

Кажется, они приблизились к третьему пункту повестки дня – признаниям. Да и пора уже было: как-то незаметно дамы «уговорили» почти полбутылки коньяка под дальневосточные деликатесы и натюрмортной красоты и вкусноты южные овощи. Самая пора наступила для разговоров о девичьем, сокровенном.

– Я ведь не зря сказала, мы с тобой девушки еще молодые. К тому же одинокие. Пора подумать о паре.

– Да ну тебя! Пора коньяк убирать, а то ты прямо сейчас в службу знакомств звонить начнешь.

– А у вас тут есть? – оживилась Рая.

– Не в тайге живем!

– Вот как ты думаешь, зачем я в Артюховск нагрянула?..

На старости лет, за тридевять земель?

– Ну не знаю... Ностальгия по родным местам? Или все же пару себе искать? – усмехнулась Зоя Васильевна.

– Ну, какие они мне родные! Ты же знаешь, я родилась в другом городе, не в Артюховске, а учились мы с тобой в Астрахани. Но в родных местах родственников и особо близких уже и не осталось. Во-первых...

– А во-вторых? В свете тобою сказанного?.. Неужто и

впрямь приехала пару искать за тридевять земель? Или на Дальнем Востоке не нашлось? Думаешь, артюховские женихи лучше качеством?

– А вот и не нашлось.

Каждому человеку дано свое дело

– Ах, общежитие! Лучшие годы моей жизни! – вроде бы свернула с темы Рая.

– Уж так-таки и лучшие? – засомневалась Зоя.

– Лучшие, – подтвердила Рая. – Самые счастливые. Я жизнь неплохую прожила, мне грех жаловаться. Муж был хороший, любящий, дети заботливые, внуки благополучные. Достаток даже более чем крепкий... ну, это сейчас.

– Но?..

– Но... Ты помнишь Олега Купцова?

– Помню, конечно! Мы все так и остались в непонятках, что тогда между вами произошло. Обе группы собирались на свадьбе гулять! А вы с Олегом молчали, как партизаны.

– Что произошло, то произошло. Не хочу ворошить прошлое. Может, как-нибудь расскажу, когда-нибудь. А если в общих чертах – все как у многих: поначалу гонор с обеих сторон, а чем больше времени уходит, тем труднее переступить через себя и первым сделать шаг навстречу. Думаешь: а почему я?! Все недоразумения с малого начинаются!

– А виноват был все же он?

– Первую половину жизни я винила Олега, потом старалась быть объективной, а в последние годы уже стала ясно понимать, что сама во всем виновата. Два молодых дурака

сломали себе жизнь. Думали – впереди еще ого-го сколько!

– Разве сломали? Ты, во всяком случае? Сама говоришь – вполне благополучную жизнь прожила, муж был хороший.

– Благополучную, да. Но... без любви.

– Ну, многие так живут. Муж хороший...

– Заладила! Вот и я так жила. Не знаю, как Олег, а я свою жизнь просуществовала. Не было ни одного дня, чтобы я о нем не вспоминала. Да что там «вспоминала»? Я разве что во сне забывалась, отключалась от его в моей жизни присутствия. Все телодвижения, которые совершала в течение дня, действия какие-то, поступки – все происходило... как бы сказать... как в театре... Как будто я на сцене, изображаю свою жизнь, а он где-то рядом, невидимый в публике, смотрит на меня. Наряды выбирала, прикидывала – понравилось бы ему? И каждый божий день неосознанно ждала: вот сегодня раздастся звонок, и я услышу в трубке его голос. Типа, я тут проездом в вашем городе и совершенно случайно узнал твой адрес, вот, решил встретиться. И я понимаю, что он врет, никакой случайности, он искал меня и нашел! Или – еще лучше: выхожу со двора, а он возле дома или где-нибудь на углу стоит, ждет. И – я приехал за тобой, что мы наделали, не могу без тебя... Но не позвонил и не приехал. За всю жизнь. Даже странно, что я не свихнулась за эти годы ожидания, не заработала манию. Хотя, по большому счету это мания и есть.

– Раечка, – опасливо спросила Зоя, – может, уже чай?

– Не бойсь, мать, я не от коньяка раскрепостилась и в откровенность кинулась. Просто пришло время моему нарыву лопнуть.

– Боже мой, – воскликнула Зоя с волнением, – а как же ты жила?! А муж? Почему не ушла от него, если уж сдуру поторопилась замуж выскочить? А он-то как терпел такую жизнь?

– «Ушла»! Муж... Вечная моя вина. Был бы он не таким порядочным – каким-нибудь алкашом, жлобом, тираном, было бы легче на это решиться. Он все понимал, хотя я никогда ему ничего не рассказывала и даже имени Олега ни разу не произнесла. Понимал и терпел. Любил. Сначала. А дети? Как я могла уйти? Они его боготворили, мальчишки! Они бы не поняли и не простили. Да и кто бы меня понял? Я не Анна Каренина, чтобы семью рушить и под поезд бросаться. Да и вообще... Потом уже просто инерция, привычка, притертость. Это только в романах от любви чахотку зарабатывают.

– Не знаю, что и сказать! Есть ведь еще и физиология...

– Да и не нужно. Что тут можно сказать? Физиология, да. Это было самое трудное. Поначалу ночей ждала, как гильотины. Потом свыклась. Даже начала что-то чувствовать.

– А он?

– Он в конце концов сам сделал попытку разрубить этот узел. Устал, надоело. Нашлась там одна – молодая и понимающая. Ушел. Это он уже в бизнесе был. Там вокруг них

много вьется молодых и понимающих.

– Вернулся?

– Вернулся. Ты ведь, помню, стихи пописывала? Не пишешь? – вроде как опять съехала с темы Рая.

– Ну, когда это было! Какие стихи в мои годы? – засмушалась Зоя Васильевна. – Ну... так, иногда. Да ты ведь тоже баловалась?

– А кто у нас на филфаке не баловался? Сплошь графоманы. Но в поэты, насколько мне известно, никто так и не вышел. Я тоже уже давно не пописываю, но сейчас прочитаю тебе свое тогдашнее. Чтоб тебе понятно было, а мне меньше слов тратить.

Всю жизнь ждала тебя. Жила

Надеждою на нашу встречу.

Себе самой противореча,

Благоразумие гнала.

Все знаю – годы, расстоянья,

Иные нравы, речь, пейзажи,

Ты о моем существованьи

Не вспоминаешь, может, даже,

Ведь ни звонка и ни записки...

Наверно, прав ты: рвать – так рвать!

Но нам, в кругу родных и близких,

Век одиноко доживать.

Не знаю, что со мною станется –

Живу, как все, в душе надеясь...

С годами люди, вроде б, старятся,

А я как будто молодею.

– Райка! Ты моя дорогая!...

– Да все нормально, и все уже в прошлом, – она помолчала. – Я ведь, если честно, второго-то сына родила, чтобы успокоиться, наконец. Муж радовался – все налаживается!

– Успокоилась?

– Вроде. Перемололось. Да не смотри ты на меня с таким соболезнованием! Ну, так сложилось! Когда муж через несколько лет заболел, его молодая, любящая и понимающая очень скоро от него ушла. Он развод не оформлял, ей, стало быть, ничего не светило, зачем ей эта обуза за просто так? Он вернулся, а я приняла. Мне, не поверишь, не в тягость было за ним ухаживать, когда окончательно слег. Памперсы, пролежни, уколы, обтирания... Я свою вину искупала, причем не по принуждению, не через силу. Хотя было, конечно, тяжело. Даже нежность к нему почувствовала. Какой-то извращенный вид любви, да? Муж это понимал. Мы хорошо простились.

– А в Артюховск-то ты что же... уж не к Купцову ли приехала?

– Видишь ли, какая странность. При таком моем полупомешательстве... При том, что присутствие Олега рядом было постоянным, почти... осязаемым... ни разу за все эти годы он мне не приснился. Ни разу, прикинь? Вот вроде мы должны встретиться, но что-то постоянно мешает. А при-

мерно год назад – вдруг приснился. Я старая, такая как сейчас, а он – тот, прежний: молодой, кареглазый, веселый. Смеется, гитара в руках, поет и подмигивает мне. Проснулась оттого, что не то скулю, не то подвываю, а не от ощущения счастья, как должно быть от приятного сна. И подумала. К чему приснился, не умер ли? И весь день – под этим грузом. И на следующий день – тоска непонятная. И постепенно мысль созрела: ехать в Артюховск, он же здешний, может, и не уехал никуда. Или из наших кого-то найду, авось, кто-нибудь что-то про него знает. Прямо загорелась этой идеей. Если умер, хоть на могилу схожу, выплачусь, прощения попрошу. А вдруг он жив, но одинок и болен? Или вообще – в интернате для престарелых...

– И что тогда?

– Там видно будет. Может, заберу с собой, буду ухаживать или выхаживать, мне не привыкать. Или здесь останусь на ПМЖ. Будем с тобой дружить, или, еще лучше, найдем и тебе юношу, будем дружить семьями.

– Лучше домами. А твоя семья?

– Семья нынешнего моего отсутствия и не заметит, а если и заметят – спокойно переживут. Ну а если привезу себе бабушку – думаю, снисходительно отнесутся: блажит бабуля, ну да пусть развлекается, все не одна, нам же легче. Ведь, если честно, они обитают каждый в своей жизни, параллельно моей, как и твои, наверно. Прекрасно обходятся без меня! Я родственница чисто номинальная, обо мне вспоминают в

дни рождения, в Новый год, на восьмое Марта.

– В день Матери и Пожилого человека, – дополнила Зоя.

– А вот это не всегда. Заняты очень, да и не считают это за праздник. Столько их развелось, праздников этих! Если сама не дам о себе знать: как вы, мол, там, живы-здоровы? Да я и не обижаюсь, ну, современная жизнь такая. Я ведь тоже дама самостоятельная и еще шустрая, как видишь. В хоре ветеранов пою-пляшу, во как! А корыстного интереса, на предмет наследства, у них не будет, они у меня люди небедные.

– Да, наверно, эта дистанция между родителями и детьми – нормальная ситуация по нашему времени. Все живут отдельно. А Олег что же, больше в твоей жизни ни разу так и не появился? После разрыва?

– Однажды появился. Как раз в тот момент, когда мы с Игорем заявление в сельсовет подали. Он приехал за мной, хотели в селе по-быстрому расписаться и уехать, ему на судно надо было торопиться. Тогда Олег и возник. Встретил меня возле школы, хи-хи, ха-ха, как будто только вчера расстались, спрашивает, не выскочила ли замуж. Я этак снисходительно, мол, – не пропала без тебя: на днях выскочу. Он мне: а, ну что ж, желаю счастья. Повернулся и пошел. Уехал в тот же день.

– А ты?!

– А я на ватных ногах к себе домой побрела.

– Райка, да ты же сама во всем виновата! Ты на ватных ногах, а он-то, он на каких уходил? Неужели ты в тот момент

ничего не поняла? Он же просто в ступор впал! Он же за тобой приехал. Тебе бежать за ним надо было, вцепиться и не отпускать!

– Мудрая ты какая – со стороны да задним числом! Легко тебе рассуждать. Надо было. На меня в тот момент заторможенность какая-то навалилась. Ступор. И опять же – самолюбие: не звал, не уговаривал... Просто взял и ушел. А потом, как же Игорь? Ему позор от людей, что невеста сбежала. Это же село! Воспитание еще мне нашептывало, вбитая в нас родителями порядочность. И такая длинная жизнь впереди была! Много всего еще должно было состояться!

– Ах, какая же ты дура! «Не уговаривал» он ее!

– Не буду спорить.

– А теперь, значит, надумала в ту же реку еще раз вступить. Несбывшееся воплотить. Это оно тебе покоя не дает! Твоя неосуществленная мечта и твое самолюбие грызут тебя подспудно. Еще неизвестно, какую бы жизнь вы с Олегом прожили, если бы у вас все сложилось. Может, разбежались бы через полгода.

– Может! Давай без психоанализа. Я хочу с ним увидеться, и точка! В этой жизни, а не в той, если она вообще есть, – категорично заявила Раиса Георгиевна.

– Хочет она! Авантюристка. Ну, а если Купцов жив, но счастливо женат, отец и дед? А ты в чужую семью влезешь, покой нарушишь?

– Если счастливо женат, какой же я покой нарушу? Так,

вспомним прекрасную молодость! Но... не может он быть счастливым! Я чувствую. Это все не просто так! У меня сейчас такая... как бы сказать... сердечная вибрация. Мы с ним на одной волне.

– Вибрация у нее, – проворчала Зоя Васильевна. Ну, а если он, наоборот, в какого-нибудь маргинала превратился? В жизни ведь всякое случается. Бомж там или алкаш конечный? Твоя вибрация тебе ничего не подсказывает? Раз вы на одной волне.

Рая задумалась на мгновение.

– Бомжа отмою и в социум верну, он все же интеллигентный человек, хоть и бывший. А алкаша... – заколебалась она, – не знаю. Нет, тут я, наверно, пас. Бывших алкоголиков, как мы знаем, не бывает. Не потяну, на знакомых насмотрелась, хоть мужем я в этом плане и избалована. Я не настолько героическая героиня.

– А вот я, между прочим, знакома с одной героической героиней, которая алкоголика бывшим сделала, – задумчиво промолвила Зоя.

– И что, счастливо живут?

– Да нет, там трагедия случилась. Они недолго прожили. Этого мужа, Гарика, убили.

– А жена? Героическая героиня?

– Лида после замуж вышла. Кстати, за капитана, который расследовал убийство.

– Тоже мне, трагедия! – фыркнула Рая. – Может, трагедия

была бы потом, когда он развязал бы да по новой пить начал?

– Да я и сама об этом часто думала. Кто ж про это знает?

А Лида – человек долга.

– А с этим капитаном что же?

– Живут вполне счастливо. Вот как судьба решила.

– Вот и вся любовь!

– Не вся. Вадиму тогда уезжать надо было, переводили в областной город. До этого он Лиду не торопил. Так вот, перед отъездом Лида к Гарику на могилу сходила. Вернулась измученная, какая-то... притихшая, но вроде как успокоившаяся. И дала Вадиму согласие. Говорит, Гарик благословил, знак подал.

– Ничего себе! А какой знак? Расскажешь?

– Какой знак – не знаю, она не говорила. Если узнаю, то расскажу. И даже познакомлю вас. Замечательные люди! Мы с ними уже много лет дружим, как говорится, не один пуд соли съели. Они мне здорово помогали.

– В чем?

– Да так... в разных-всяких делах. Потом как-нибудь расскажу, при случае. Ты мне лучше вот что скажи, как ты собираешься искать своего Купцова? Может, он и не в Артюховске вовсе? Я вот о нем ничего не знаю, ни разу не слышала, хоть и городок наш небольшой. Да, честно говоря, и не вспоминала о нем за все эти годы.

– А я его уже нашла!

– Как? Где?

– Кто ищет, тот найдет, – усмехнулась Райка. – В наше время для этого существует интернет.

– Но про меня, допустим, ты сведений в интернете не найдешь!

– Про тебя, может, и нет, если ты никогда не учреждала индивидуально-частное предприятие, а потом не судилась с партнерами. Или не занимала призовые места в областных шахматных турнирах.

– То есть он – персона грата?

– Ну, не то, чтобы уж такая грата...

– Но ведь адрес его в интернете засветился?

– Ты понимаешь, какая странность... Как-то все одно к одному. Я раньше по разным сайтам его в друзьях искала, но он нигде не засветился. Ну не может такого быть, у него же технические мозги, он просто обязан владеть компьютером. В наше-то время, когда даже гуманитарные бабки его освоили!

– Да может, он просто под каким-нибудь ником зарегистрирован.

– Скорее всего. А после этого сна просто взяла и погуглила – и нате! Как раньше не догадалась, сама удивляюсь. Когда-то он еще с двумя партнерами фирму учредили, да видно, не пошло у них. Через год с небольшим в суде уставной капитал делили, вот и засветились. А потом, опять совершенно случайно, попадаетея мне на одном сайте артюховский шахматный клуб. Я – туда, по наитию. Ты же пом-

нишь, Олег разряд по шахматам имел. А там – турнирные таблицы, список игроков, результаты турниров... Но самое интересное – я сразу адрес не записала, а потом засомневалась, не перепутала ли номер дома с номером квартиры, и полезла перепроверить. А адреса-то и нет!

– Ну как то есть нет, если был?

– А вот так! Нет, как не бывало. Может, их администрацию за публикацию персональных данных наказали, откуда мне знать? Убрали адрес, а остальные данные остались. Я заопасалась, что у меня начинает ехать крыша. Позвонила в Артюховск знакомым – есть у вас такая улица? Есть. Ну скажи, что не знак судьбы?

– Действительно, чудеса! – вынуждена была признать Зоя, и даже холодок пробежал у нее по спине.

– Именно что! Знак! Знаешь такую улицу – Белякова?

– Слышала. Имени местного революционного деятеля и участника гражданской войны. Но где находится, смутно представляю. Где-то в Октябрьском районе.

– Такси, надеюсь, в вашем городе бегают?

– Ну, если ты ко мне на такси приехала...

– Так что завтра мы с тобой, не откладывая дела в долгий ящик, отправимся по адресу улица Белякова, дом номер сорок один, квартира восемь.

– МЫ с тобой?

– Зайка, – произнесла Раиса Георгиевна Собко с прерывистым вздохом, – ну к кому ж я еще могла обратиться за

помощью в этой деликатной ситуации? Кому это рассказать в Артюховске, с кем поделиться, кроме тебя? Мало того, что мы все учились вместе, в одной общаге жили, так вы с ним еще и в одном городе живете. Мы же с тобой четыре года в одной комнате! – напомнила с пафосом.

– То есть ты все продумала и изначально включила меня в свою авантюру действующим лицом?

– Ты же должна понимать, что не все так легко и просто, как я живописую? Я же там вполне могу в обморок хлопнуться от потрясения, как увижу его, если не похуже чего. Годков-то мне уже немало набежало, сердце, давление, то-сё, – заканючила Райка. – Должен же быть рядом надежный человек, который поддержит меня и морально, и физически в непредвиденных обстоятельствах. Нашатырь под нос сунет. Может даже скорую вызовет, если потребуется. А вдруг там, в самом деле, жена?

– Скорее всего! И что-то мне подсказывает, если таковая имеется, диалог с ней должна вести я? То есть, тебе нужна группа поддержки, но огонь на себя должна вызывать эта самая группа, то бишь я?

– Умница!

– Вот, значит, какую роль ты мне отвела...

– Ну, Заинька...

– Что ж, – вздохнула Зоя Васильевна, – муниципальная чиновница Раиса Георгиевна Собко стала достойной преемницей комсомольского и студенческого лидера Раи Афана-

сьевой. Руководить массами и направлять – это у тебя в крови! Манипуляторша! Кукловод!

– Ага! – радостно подтвердила Раиса Георгиевна, нутром почуявшая, что ее врожденный и благоприобретенный дар убеждения не подвел. – Ну, не бурчи! Чего ты разбушевалась? Тебя же не на смерть посылают. Вдвоем-то, всяко, не так страшно!

– Ладно, – без единой капли энтузиазма согласилась Зоя, – долг гостеприимства, чего уж там!

После, курсируя с грязными тарелками на кухню к мойке, Зоя Васильевна недовольно бурчала себе под нос:

– Тоже мне, комиссарша в пыльном шлеме, в кожаной ту-
журке! Приперлась через полвека свою безумную мечту осу-
ществлять! И при этом загребать жар чужими руками! В луч-
ших традициях чиновничьего племени! «Вот как ты дума-
ешь, что такое старость?», – передразнила она гостью мерз-
ким голосом. – Чужих мужиков отбивать, если по-простому!

Впрочем, честно говоря, особой злости она не испыты-
вала. С одной стороны, старческая бабья глупость и блажь.
С другой стороны – достойны уважения подобные порывы,
свидетельствующие о сбереженной душевной молодости. С
третьей – не может не вызвать восхищения и сочувствия чув-
ство, пронесенное через всю долгую жизнь. Любовь!..

Все же Зоя Васильевна была женщиной. И потом, с Раей
она, как говорится, была давно знакома, а с предполагаемой
женой Купцова не знакома совсем. Она была субстанцией

нереально-туманной.

А радостная Раиса Георгиевна, скинувшая с плеч груз объяснения-признания, соскабливая объедки и складывая в стопку грязные тарелки, негромко напевала:

Ругают ведьмою меня последнюю,

Ругают старую меня каргой,

А я не старая, совсем не старая,

Я просто с детства была такой!

– И что это за ода в свою честь? – съехидничала Зоя.

– Это песенка ведьмы из фильма «Старая-старая сказка», – охотно пояснила Рая. – Зайка, кстати, – решила она подольститься, – а у твоих великих нет никаких высказываний на предмет моей ситуации? Мне бы прецедент какой-никакой, чтобы было морально легче, чтобы можно было опереться на исторический пример. Думаешь, мне легко? Поройся там в закромах своей блестящей памяти.

– Не подлаживайся! Историю, как известно, творят и простые люди тоже. Вот как ты сейчас. Глядишь, и войдешь в историю. Раба любви!

– Или попаду. Влипну в какую-нибудь историю.

– И это вполне вероятно, – вздохнула Зоя Васильевна, – но ты хоть по делу влипнешь, а я-то за что?

Все же она порылась в закромах. Более-менее подходящим было высказывание Эзопа. Не совсем по теме, конечно, но Зоя Васильевна не хотела ударить лицом в грязь, у нее тоже имелось самолюбие. «Каждому человеку дано свое де-

ло, и каждому делу свое время», – с кислым видом процитировала она.

– Годится, – с удовлетворением кивнула Рая, – видишь, каждому делу свое время. Вот и пришло время мне действовать. До этого я же не трепыхалась, согласись?

Если тебе предстоит пройти через ад

Жена у Купцова имелась, и в этом не было ничего удивительного. Но сначала им пришлось потоптаться перед закрытой дверью подъезда в ожидании входящих или выходящих жильцов. Пятиэтажка была построена где-то годах в семидесятых и выглядела довольно не презентабельно, но на дверях имелись домофоны. Тем не менее, на звонки в квартире номер восемь не отвечали.

– Зайка, мне что-то поплохело, – дрожащим голосом вымолвила владивостокская искательница приключений, такая целеустремленная и непоколебимая вчера вечером, – меня ноги не держат! Давай немножко посидим на лавочке?

Посидели на лавочке перед подъездом.

– Зайка, – снова заканючила Раиса Георгиевна, – мне как-то не по себе. Может, в другой раз? Их, наверно, и дома никого нет, раз не отвечают.

– Ну, нет, – раздраженно откликнулась Зоя, – я не для того двести рублей за такси платила, чтобы теперь назад пятками! – и изо всех сил надавила на кнопку.

– Женщины, вы в какую квартиру звоните? – раздался женский голос сзади.

– В восьмую! – разом обернулись женщины.

– Зря стараетесь, они домофон не подключали. Свои и по сотовому позвонят, – проинформировала молодая симпатичная женщина, стройняшка с мальчишеской стрижкой, в джинсиках и обтягивающей маечке, в черных очках, закрывающих пол-лица. Стройняшка держала в каждой руке по сумке продуктов. – А вам там кто нужен?

– А кто там живет?

– Здрассьте, – сказала молодая, уставившись с подозрением, – интересный вопрос! Звоните и не знаете – кому?

– Почему это не знаем? – возмутилась Рая неуместной подозрительности. Две немолодые дамы, на ее собственный взгляд, выглядели вполне благонадежно. И презентабельно, перед выходом они особенно причепурились, на свидание, как-никак, шли. – Нам нужен Купцов Олег Викторович, он же здесь проживает?

– Здесь проживает, – кивнула молодая, и почему-то ухмыльнулась. Перехватив левой рукой с зажатой в ней сумкой сумку из правой руки, этой освободившейся правой она набрала нужные ей цифры. Пропев, дверь отворилась. Зоя Васильевна придержала дверь, и они с Раей протиснулись следом за женщиной. Та шустро устремилась по лестнице наверх.

– А кто с ним еще проживает? – крикнула вдогонку Раиса Георгиевна.

– Кто-кто! – в молодой снова пробудились подозрения,

но все же она не стала отвечать в рифму, а нехотя обронила: – Сам Купцов с женой, сын с женой, внук...

Стало быть, жена все-таки имеется. Дамы переглянулись и стали подниматься. Между тем, молодка поднялась на площадку между вторым и третьим этажом, и дальше шагов не стало слышно. Затаилась, в ожидании дальнейшего развития событий. Рая, раздраженная неуместным любопытством молодой, сделала знак подруге, чтоб та покамест не звонила в искомую дверь и на цыпочках пересекла площадку. Нахалка, поставив сумки на подоконник, замерла, вытянув шею и превратившись в одно большое ухо.

Ох, это гипертрофированное провинциальное любопытство и простота нравов! Возмущенная Рая, скроив свирепую физиономию, сделала бабенке «козу» и сказала «бу»! Та, слабенько ахнув, подхватила сумки и понеслась вверх по лестнице. Рая задрав голову наблюдала за ней в пролет лестницы.

Добравшись до последнего, пятого этажа, любопытная Варвара зазвенела ключами. Вздохнув и неодобрительно покачав головой, Рая сделала знак Зое – звони!

Открылась дверь, и на пороге предстала женщина. Невысокого росточка, худенькая, со светлым пучочком на затылке, в затрапезном ситцевом халатике. На вопрос об Олеге Викторовиче ответила, что его нет дома. В квартиру не пригласила, разговаривала, стоя в приоткрытых дверях, только переводила вопрошающий взгляд с одной визитерши на дру-

гую.

Точнее, она норовила перевести взгляд с Зои, стоящей перед ней, вниз и вбок, дабы увидеть и визитершу вторую, поскольку Рая как-то незаметно переместилась от двери на верхнюю ступеньку лестницы. Поскольку Рая изначально отводила Зое роль первой скрипки, вторая скрипка сочла возможным трусливо устраниваться. Храбро проделавшая путь в несколько тысяч километров, сейчас, достигнув конечной точки пути, Раиса Георгиевна дрожала, как осиновый лист. Стоя на верхней ступеньке лестницы, она буквально впялась в стенку, в надежде стать невидимой.

Взгляд хозяйки, чем дольше длился разговор, из недоумевающе-вопрошающего поначалу, становился все более неприязненным. Зое Васильевне приходилось выкручиваться самой.

– Дело в том, что мы учились в институте вместе с Олегом, – пояснила Зоя Васильевна, – студенческая юность, знаете ли... А сейчас, будучи проездом в Артюховске, случайно узнали от однокашников его адрес, вот и решили навестить.

– Его нет дома, – повторила женщина.

– А... может быть, есть смысл нам его подождать? – намекнула Зоя Васильевна на элементарные правила гостеприимства.

– Но я даже не предполагаю, когда он вернется.

– Как жаль... Тогда, может быть, вы дадите нам номер его телефона?

– Я не помню номера его телефона. Слабая память на цифры. Я и свой-то номер никак не могу запомнить.

«Ага, кто тебе поверит, прямо совсем дряхлая старушенция!» – злобно подумала Рая.

– Как же быть? – Зоя растерялась из-за физически ощущаемой ею волны недоумения и даже неприязни, исходящей от женщины. Тут еще Райка начала дергать ее за юбку, намекая, что пора линять, ничего не поделаешь, не судьба, поход потерпел крах.

– Оставьте свой номер, Олег Викторович вам сам позвонит, – смилостивилась хозяйка. – И вы, женщина, тоже свой оставьте – высунулась, наконец, она из двери с понятной целью – разглядеть вторую однокашницу мужа, такую робкую, с чего бы? Эта вторая однокашница понравилась ей еще меньше.

Зоя достала из сумочки какой-то листочек и ручку, написала свой номер, Рая продиктовала свой, и они откланялись. А когда спускались по лестнице, женщина спросила вдогонку:

– А как вас зовут? – доперло, до нее, наконец!

– Зоя и Рая, – крикнула Зоя Васильевна.

Выйдя из подъезда, Райка плюхнулась на любимую лавочку.

– Подожди, давай посидим. Мне ноги совсем отказывают. Это даже хорошо, что его нет дома. Она меня прямо заморозила. И в то же время я вся потом покрылась. Тут явное

нарушение какого-то физического закона – такой дисбаланс.

– Да иди ты лесом со своим физическим законом и дисбалансом вместе, – сердито ответила Зоя. – От страха люди тоже холодным потом покрываются, чтоб ты знала. Я перед этой пигалицей как побирушка стояла, пока ты индифферентно стенку подпирала. Заморозили ее!

– Бедный-бедный Олег! – пробормотала Рая, не слушая Зоину воркотню.

– Это с чего он бедный? Как видишь, не одинок и не бомж, живет в квартире, правда, вместе с семьей сына. Значит, не сильно разбогател, но это уже частности.

– Да как же не бедный? Неужели ты не видишь? Она же типичная гримза! Да еще и бесцветная какая-то.

– Бесцветная? Когда это ты успела разглядеть? И она ведь просто по-домашнему, – вяло возразила Зоя, – гостей не ждала. А потом, мало ли, может, они с Олегом как раз перед нашим приходом поскандалили, чего в семье не бывает. Вот она и в растрепанных чувствах. А тут мы, такие расфуфыренные, подружки юности! Знаем мы про таких подруг юности, вон, по телевизору в «Ищу тебя» их пачками показывают. Бабки дедок разыскивают, дедки бабок.

– Намекаешь, что я не оригинальна? – вымученно усмехнулась Рая, – или в «Ищу тебя» культурно посылаешь?

– Не оригинальна, – вздохнула Зоя. – А у тебя, наверно, даже голова вспотела, все твои кудри сосульками повисли. Все труды насмарку – зря только ночь на бигудях промучи-

лась. Так что можешь надеть свою красивую шляпку. И какая-то ты стала зеленоватая... Так что не обольщайся, ты не лучше выглядела.

– Злая ты. А она все равно гримза, я уверена. Она за эти пять минут прямо дырку в тебе просверлила своим инквизиторским взглядом.

– Тебе-то откуда знать?

– Мне хватило только одного ее взгляда на меня. Правда, даже хорошо, что Олега дома не оказалось, и он меня не увидел. Так спасовать! И мне было бы больно видеть, как он виляет перед ней хвостиком.

– Ну, может, не виляет... Но ведь не только он тебя, ты тоже его не увидела.

– Виляет-виляет, – сказала Райка убежденно. – Слушай, вот давай прикинем. Олегу семьдесят. Пусть даже жена лет на десять моложе. Сыну, по-любому, лет сорок – сорок пять, значит, и жене сына примерно столько же. То есть, не девочка уже! Как тебе показалось, эта гримза чьей женой может быть, Олега или сына? Она сказала: Олега Викторовича нет дома. Не Олега нет дома, понимаешь? Не мужа?

– Да откуда же я знаю?

– Но ты же с ней лицом к лицу стояла!

– Уж не думаешь ли ты, что я была спокойна, как слон, и была в состоянии там что-то анализировать?! Взгляд у нее, и правда, пронизывающий, прямо как у экстрасенса. Сама-то на лестнице пряталась!

– Ну хватит уже меня упрекать, я со всем согласна. Почти! Все же, как тебе кажется? – не отставала Райка.

– Не знаю даже... Она миниатюрная блондинка, бледненькая, без макияжа. А маленькая собачка, сама знаешь, до смерти щенок! Морщин особых я не заметила, она ведь в прихожей стояла, а свет там не горел. Могла быть женой и сына. Но какое это имеет значение?

– Для меня имеет. Если гримза – жена сына, это одно, а если Олега – совсем другое.

– То есть, если рассуждать логически, твой приезд можно обосновать? Он реально обретает черты миссии по спасению Олега от гримзы?

– Ну... да...

– Да-а-а... Ну, пойдем, что ли?

– Давай еще немножко посидим. А вдруг он скоро вернется?

– Ну, давай посидим, – вздохнула Зоя, отметив про себя полное отсутствие логики у подруги: то – давай мотать отсюда, то давай посидим еще.

Посидели немножко, потом еще немножко, а потом потихоньку побрели к остановке. Райка шла, как в воду опущенная. У Зои прямо душа кровью обливалась, на нее глядя. Такой путь человек проделал! А этот тип Купцов то ли позволит, то ли нет. И жена вполне может промолчать об их визите, если она на самом деле гримза.

– Слушай, Рая, – притормозила Зоя Васильевна, желая от-

влечь подругу от черных мыслей, – вот тот мужик впереди, в светлой рубашке...

– Да, и что?..

– Он идет нам навстречу. Может, это Олег домой возвращается? Как ты думаешь, он может быть похож на Купцова, каким бы тот стал сейчас?

– Пожалуй... Невысокий, коренастый... Пузо меня несколько смущает...

– Ну – пузо! А твое пузо тебя не смущает?

– Мое пузо – это мое пузо! Я в нем двух детей выносила.

– Это не аргумент!

– И потом, оно взрастало постепенно, и я к нему привыкла, а тут такой фактор неожиданности... К этому пузу надо будет долго привыкать!

– Может, не надо будет привыкать. Может, это пузо не имеет к тебе никакого отношения!

– Анфас я его сразу признаю! Вот подойдет поближе...

Но мужик, как назло, не дойдя до них, перешел на другую сторону улицы.

– Тьфу ты, пропасть! Давай и мы следом, вон переход, обгоним его и посмотрим. Только ты уж сама иди заглядывай анфас! Я потихоньку сзади буду идти.

– Побежали! – воодушевилась Рая с пробудившимся энтузиазмом.

– Ну что?! – с надеждой спросила Зоя, когда они с Раей воссоединились. – Рассмотрела?

– Ничего не рассмотрела, – с досадой ответила Райка. – На нем черные очки и еще эта дурацкая кепочка с огромным козырьком. Что за отвратительная мода – эти кепки с козырьками! Раньше мужики носили соломенные шляпы. В них лицо можно было прекрасно рассмотреть.

– Ну, давай еще раз попытаемся заглянуть в лицо.

– Давай. Но это пузо! Олег был спортсменом. Он бы не допустил такого безобразия!

– Далось тебе это пузо! Что ж ему, до старости бегать и прыгать? Может, ему сердце не позволяет. Или печень. Он же шахматами занимается, в его возрасте это вполне естественно. И ты тоже в свое время была стройнее кедр.

– Зоя, сама-то ты ведь тоже шла какое-то время ему навстречу. Может, у тебя родились какие-нибудь ассоциации? Жест какой, походка? Ты же все-таки не пребываешь в таком напряжении как я. И у тебя же дальность зрения, ты говорила. Могла бы холодным сторонним взглядом и заметить.

– Вот не заметила ничего, слишком далеко было. О! Он опять перешел на другую сторону.

– Петляет, как заяц! Как будто от погони уходит. Разве это нормально? Голос бы услышать.

– Может, он просто эти десять тысяч шагов намеривает, про которые в телевизоре говорят.

– Почему же не по одной стороне улицы? Какая ему разница, где отмеривать ради здоровья?

– Вот что. Давай догоним его, и ты просто подойдешь и

спросишь, не Купцов ли он? Что тут особенного? Чего мы заморачиваемся?

– Тебе легко говорить, а у меня сердце прямо выпрыгивает!

– Сердце, по идее, и должно тебе подсказать. Как-нибудь екнуть, ускорить ритм, замереть, а то чего оно у тебя без дела колотится? Вообще, я тебя не узнаю! И зачем тогда заварила эту кашу?

– Давай еще немножко походим за ним, – пропустила Рая мимо ушей подколку Зои.

– А если твое сердце вообще тебе ничего не подскажет? Мы что, теперь до вечера за ним ходить будем? – вконец разозлилась Зоя. – Пока твоя аритмия в хроническую не перейдет?

– Ну еще немножко, потом подойду, честное слово.

– И никакая ты не матерая чиновница. Ты просто тургеневская девушка. Прямо робкая лань передо мной! Как ты там от жалобщиков отбивалась?!

– Ну хватит уже злостствовать, я тоже тебя не узнаю. Никакая ты не библиотекарша, просто цербер какой-то! Как ты с интеллигентными людьми работала?!

– Ну, давай, только недолго, а то я уже притомилась ходить-бегать. Такой марш-бросок! – устыдилась Зоя. – Вообще-то, Уинстон Черчилль однажды сказал, что если тебе предстоит пройти через ад, нужно просто идти как можно быстрее.

– Как-как? И то правда! Ну ладно. Пойду, – воодушевилась Рая, подстегнутая Уинстоном Черчиллем.

– А вон и скверик впереди показался! Потом еще там посидим после твоей разведки, ага?

– Если не Купцов – ага, а если все же он, – сама понимаешь, по обстоятельствам.

– Давай, иди! С Богом!

– Пошла!

... Потом- то, в итоге разведки, и пришлось Рае воспарить и не слишком удачно приземлиться.

* * *

... Приблизившись к лавочке, дамы все же притормозили в нескольких шагах. Хоть приближались они не на цыпочках и даже разговаривали не понижая голоса, демонстрируя таким образом друг другу свое бесстрашие, мужик делал вид, что не замечает их приближения. Во всяком случае, позы не изменил. В отличие от прошлого раза, когда он поджидал Раю, свирепо постукивая по ладони скрученной газетой (ах, как я зол, как я зол!), сейчас он никак на дам не прореагировал, даже головы не поднял. Не то уснул?

Раиса Георгиевна опять вскипела.

– Молодой человек, – тоном великосветской дамы, но с визгливыми нотками базарной торговки обратилась она к повесившему голову Купцову-не-Купцову. – У меня к вам

прежний вопрос, вполне невинный: ваша фамилия Купцов? Олег Викторович Купцов? Смею надеяться, что вас не очень затруднит ответ на этот вопрос?

Произнеся эту тираду Раиса Георгиевна все же, незаметно для самой себя, благоразумно отступила на два шага. Однако «молодой человек» безмолвствовал и даже не пошевелился.

– Нет, ты только посмотри, Зоя, – кипя, воскликнула Рая, – то он ревет, как раненый буйвол, то не желает даже рот открыть. Что за мужики у вас в Артюховске! Ты хотя бы голову подними, хамло, когда с тобой женщина разговаривает! – окончательно сменила она роль великосветской дамы на роль базарной торговки, минуя этап крутой приезжей чиновницы.

Вконец разъярившись, она даже страх потеряла. Решив больше не церемониться (какие могут быть церемонии в данных обстоятельствах!), она изо всех сил пихнула мужика в плечо. Тот завалился на лавочку, словно тряпичная кукла.

– Да он же пьяный в хлам! Когда успел? – удивилась Раиса Георгиевна.

– Рая, – скорбно вымолвила Зоя Васильевна, не сводившая глаз с «хамла» во время пылкой речи подруги, – он не пьян. И тебе не ответит. И голову он поднять не может. У него шея свернута.

– Иди ты... – пролепетала Рая.

Впрочем, она и сама уже начинала понимать, что происходит что-то ненормальное, но пока еще не вышла из ража,

во-первых, а во-вторых, инстинктивно отталкивала от себя зародившуюся мысль о чем-то ужасном. Об ужасе ситуации, в которую они влипли по ее милости. Как накаркала давеча сама, что они влипнут в историю.

К чести Зои, в дальнейшем она ни разу не упрекнула Раису Георгиевну в произошедшем. Как узнала позже Рая, Зайке самой не единожды приходилось быть замешанной в криминальные ситуации и даже находить трупы, без малейшего на то желания и безо всякой ее инициативы.

– Давай отсюда мотать! – просипела Рая, воровато оглядываясь. – Впрочем, уже поздно мотать: вон сколько свидетелей на лавочках. Когда только набежали! Будто шакалы, падаль учуявшие!

– Фу, Рая! Что ты мелешь! Люди забегают от жары спастись. Смотаемся – хуже будет, – разумно рассудила Зоя Васильевна. – Да и не привыкла я сматываться в таких обстоятельствах. Я гражданка законопослушная.

– Так что же будем делать? Вызываем полицию?

– Вызываем. Но сначала я позвоню Лиде.

– Лида – адвокат?

– Лида – жена старого опытного опера, Вадима Сергеевича Бурлакова. Я тебе про них говорила. Она нас с ним соединит, поскольку у меня нет номера его сотового. В рабочее время мне неловко ему звонить, я и не звоню. А если возникает нужда, звоню Лиде.

– А что, часто нужда возникает?

– Да нет, не особо часто. Но случается.

– А точно соединит?

– Или передаст ему. Наверняка он на работе. Он даст полезный совет, а может и сам подключится. Раньше он работал у нас в Артюховске, у него здесь полно знакомых коллег.

– И он нам поможет? Вытащит?

– Он разберется. Чего нас вытаскивать? Мы всего лишь свидетели.

– Ой, да не говори ерунды! Уж в нас вцепятся, уж нам нервы помотают!

– Это да...

Бурлаков, к счастью, был не на работе, но Лидия Федоровна уверенность Зои Васильевны в немедленной помощи разрушила сразу.

– Не позову, – отрезала она.

– Я только хотела у него спросить... посоветоваться, – пролепетала, опешив, Зоя Васильевна.

– Посоветуйся со мной!

– Мне нужен совет профессионала!

– Ах, все-таки профессионала? Кто бы сомневался. Знаю я прекрасно, чем эти ваши с ним совещания заканчиваются!

– Да что с тобой стряслось, Лида? – наконец, сообразила спросить Зоя Васильевна.

– Со мной ничего, слава Богу, а вот с тобой, голову могу дать на отсечение, опять что-то определенно стряслось. Какой он тебе может дать совет, на предмет чего? Как огурцы

солить? Естественно, только профессиональный! – всю тираду Лида выпалила понизив голос. Видимо, Вадим Сергеевич находился где-то поблизости.

– Я тебя просто не узнаю, – холодно процедила Зоя Васильевна.

– Может человек в свой отпуск один раз в жизни – единственный раз! – съездить в санаторий? Чтобы ему никто не докучал своими ... м-м-м... проблемами? Не требовал советов? Имеет он на это право? Пока у него еще есть такая возможность? – снизошла до кое-каких объяснений Лидия Федоровна.

– Имеет, конечно, – согласилась Зоя Васильевна. – Но что значит – «пока еще»? Что ты имеешь в виду?

– Это не телефонный разговор, – еще больше понизила голос Лида. – Все, я отключаюсь.

– Будь здорова, – подбавив в голос холоду, процедила Зоя. – Странная ты сегодня. Будто совершенно незнакомый мне человек.

– Вот и будем заново знакомиться по его возвращении. Он как раз вещи в сумку укладывает. Пусть уедет благополучно, ему крайне необходим отдых, а твоя ситуация за две недели никуда не денется, я думаю. А может, и сама рассосется. А вообще... Может, он уже и не сможет вытаскивать тебя из будущих передрыг, – понизив голос почти до шепота, закончила Лидия Федоровна, – так что завязывай с приключениями!

– Тьфу на тебя, – вконец оскорбилась Зоя.

Чего это Лида накаркивает? Как будто она так уж часто обращалась за помощью к Бурлакову или одна попадала в эти передряги. Не будем, конечно, показывать пальцами, тем более, по телефону, но зачем далеко за примером ходить?

– Мои передряги – это мои передряги! Хочу – заканчиваю, хочу – нет! – и Зоя отключилась.

– Что?.. Что-то не так? – догадалась Рая.

– Она отказалась позвать к телефону Вадима Сергеевича, – проямлила ошеломленная Зоя. – Он, видите ли, сегодня уезжает в санаторий.

– Значит, помощи ждать неоткуда, – вздохнула Раиса Георгиевна и добавила с пониманием: – Чему удивляться, это же людская природа. Ты не представляешь, сколько раз мне приходилось разочаровываться в так называемых друзьях, когда я обращалась к ним с просьбой. Думаю, тебе тоже.

– Само собой. Но это не тот случай. Там определенно что-то случилось. Какая-то неприятность у Вадима Сергеевича на работе или проблемы со здоровьем. Санаторий... Сроду он ни в какие санатории не ездил. А Лида просто на пике эмоций. Не в тот момент я позвонила. Я уверена, что все скоро объяснится. А пока... что ж, будем расхлебывать сами. Будем ждать полицию. И караулить, чтоб на эту лавочку никто не вздумал присесть. Ты с той стороны садись, я с этой. Ты хоть рассмотрела этого мужика, пока я на телефоне сидела? Он хоть и боком лежит, но анфас его рассмотреть

можно, если наклониться.

– С ума ты сошла, что ли?! Чтоб я покойника разглядывала, еще и внаклонку?! Будь он хоть трижды Купцов. И рядом не сяду, я лучше постою. Садись, если тебе хочется.

– Спасибо тебе, добрая подруга! Но стоять тебе, скорее всего, долго придется.

– Ничего, я потерплю.

– Ну-ну!

– И сколько ж нам ждать придется представителей нашей доблестной полиции? – с тоской протянула Рая через пару минут.

– Сколько надо, столько и будем ждать! За это время нам надо выработать линию поведения! Так что лучше присаживайся.

– Какую еще линию?!

– Что отвечать будем на вопросы, чтоб не было разнобоя в показаниях.

– Какие еще показания? Мы гуляли, зашли в сквер, присели отдохнуть на лавочку, напротив мужик в неестественной позе. Подошли узнать, не нужна ли помощь!

– Ага, это если мужик – чужой. А если это Купцов? Уж купцовская жена при опросе обязательно расскажет про двух подруг юности, интересовавшихся ее мужем аккурат в день его убийства. И не странным ли будет выглядеть факт, что подруги юности по чистой случайности как раз и обнаруживают тело ее мужа? Как только нарисовались подруги, так

муж приказал долго жить. А они, подружки то есть, оперативно обнаруживают его тело.

– Но мы же сами вызвали полицию!

– Может, мы сделали это специально, для алиби?

– Но шею-то мы же не могли ему свернуть при всем нашем желании!

– А может, ему какой-нибудь укол сделали, прежде чем шею свернуть? Мужик-то по виду крепенький.

– Я как-то об этом не подумала.

– Вот и давай подумаем.

– Но не рассказывать же ментам мою романтическую историю? Вот хохоту у них будет! И то, что мы его преследовали.

– Не будем рассказывать. Я полагаю, они обязательно нас спросят, не знаком ли нам убитый.

– Еще чего! Я на него толком и не смотрела, я покойников боюсь. Если, конечно, не считать нашей с ним беседы. Но тогда он был вполне жив.

– Можно сказать, что нам показалось, что знаком. То есть, мы скажем, что гуляли по улицам, устали, решили отдохнуть, и у входа в сквер заметили этого мужика. И он оказался нам похожим на друга юности – Купцова Олега Викторовича. И мы решили удостовериться. Подошли к нему – а он мертвый. Если жена на нас наступит, то мы ее таким образом упредим.

– А почему мы сразу не удостоверились, ждали, пока его

убьют?

– Потому что мы покупали мороженое, которое ты потом нечаянно уронила на юбку. И мы задержались у входа, отчищая тебе юбку. Продемонстрируешь юбку. То есть мы скажем часть правды, ничего существенного не утаивая.

– Но пятно на юбке сзади, – резонно заметила Рая, – как я могла его уронить туда?

– Ты просто перевернула юбку, чтоб не так заметно было. Она же у тебя с резинкой на поясе, сделай пятно на боку, вот и вполне реальное объяснение.

– Зайка, какая же ты умная! Но зачем мы будем впутывать сюда Купцова? Нет, я не согласна. Убитый мужик нам не знаком, и точка!

– А как иначе мы узнаем, Олег это или не Олег? Пойдем в полицию и спросим? Так они тебе и откроют тайну следствия. Или еще раз навестим жену Купцова? Тогда пойдешь одна, я сопровождать тебя не буду.

– Нет, – поежилась Рая, – это в самом крайнем случае. – Здравствуйте еще раз, мы там в сквере мертвого мужика нашли, это случайно не вашего мужа убили? И все же нелогично: а если это все же Купцов, как мы об этом узнаем? Ты же говоришь, тайна следствия. Они нам не скажут.

– Так мы же им дадим подсказку. А нас все равно пригласят на беседу потом, и я думаю, что в ближайшее время. Тогда и скажут, тем более, если это все-таки он. Начнут пытаться на предмет наших с ним связей. А может, и не на одну бесе-

ду, – вздохнула Зоя Васильевна.

– А мы будем сидеть и ждать?

– Мы же ускорим процесс поисков. Сделаем, что в наших силах. А ты что предлагаешь? Эх, Бурлакова нет. А то мы, может, знали бы уже не сегодня-завтра – Купцов это или не Купцов.

– Если бы да кабы!.. – Ах, Лида-Лида, – снова вздохнула Зоя Васильевна.

– Я бы подобного предательства не простила. Подруга, называется! А ты еще ей дифирамбы пела.

– Я тоже не прощу! – поклялась Зоя, – наверно...

Рая взглянула на нее выразительно, но сказать ничего не успела.

– А вот и ваша доблестная полиция показалась – вон, в начале аллеи, – переключила ее внимание Зоя.

– Ну, сейчас мало нам не покажется! Напомни мне, что там Черчилль говорил про ад?

– Если тебе предстоит идти через ад, нужно просто идти как можно быстрее.

– Хорошо бы уж побыстрее его пройти!

Однако побыстрее не получилось. И вцепились в них, и нервы потрепали, и продержали в полиции почти до вечера. Женщины столько раз отвечали на одни и те же вопросы разным людям, что ответы уже просто отбарабанивали. Да и почему бы не отбарабанить, если скрывать им было нечего? Ну, почти. Разве что умолчать о первопричине их интереса

к убиенному – душещипательной романтической линии.

Наконец дам отпустили. Выйдя на улицу с ощущением сброшенного с плеч тяжелого груза, но со смутой в душе, дамы зажмурились и глубоко вдохнули раскаленный воздух.

– Вон и еще скверик с лавочками! Посидим немножко?

– С сегодняшнего дня я буду ненавидеть все скверики. Нет уж! Домой!

Свернув на свою улицу, Зоя Васильевна сразу же углядела на лавочке возле своей калитки одинокую женскую фигуру. Знакомую. Уж не Лида ли Бурлакова сгорбилась там в позе кающейся грешницы? Интересно, давно ли тут сидит, сирота казанская?

Предчувствия ее не обманули. Это была Лидия Федоровна собственной персоной. Прикатила аж из самой Астрахани, едва проводив мужа за порог. Ее говорливая совесть ночного покоя ей не обещала, она это точно знала.

Имей одну-единственную подругу

Зоя Васильевна не напрасно прибавила «наверно», тем самым приготовив себе путь к отступлению. Да и Раиса Георгиевна после рассказа Лиды нехотя призналась себе, что поторопилась с выводами.

...Вадиму Сергеевичу суточное дежурство по области, обязательное для всех старших офицеров, выпало на воскресенье. Спокойными эти суточные выдавались крайне редко, но сегодняшнее было – что-то особенное, особенно ночь. Помимо обычной рутинной работы – объезда постов, проверка работы патрулей, инспектирование пунктов охраны и т.п. – пьяная перестрелка в ночном баре «Фламинго», ограбление ювелирного магазина и уже под утро – вишенка на торте: захват заложника.

Террористом оказался перепившийся рабочий бондарного завода, а заложником – его семилетний сын. Жене удалось каким-то чудом выскочить за дверь. Она же сообщила в ближайшем опорном пункте о том, что у мужа имеется граната (черт знает, откуда она у него взялась, но вот взялась откуда-то!), а сына он взял в заложники потому, что, идиот, вдруг заподозрил, что Славка ему не родной.

Требования злодей выдвинул соответствующие. Грозил взорвать весь барак, в котором они живут, вместе с соседя-

ми, если жена не приведет «вот прям щас же!» настоящего отца Славки, чтобы муж набил морду «этому козлу».

– А он может взорвать? – спросил Бурлаков рыдающую женщину.

– В таком состоянии? Все может!

– А граната-то настоящая?

– А что я в них понимаю? Похожа на гранату, а на настоящую или игрушечную... У меня не было времени ее рассматривать! Помогите же, скорее! Там Славик!

– И соседи.

– А что соседи? А, ну да, и соседи!

Пункт охраны располагался возле проходной бондарного завода, а бараки строились давным-давно для рабочих – тоже рядом с промзоной, даже ехать никуда не надо было. Вызвали ОМОН, но ожидать группу захвата в таких условиях времени не было.

Бурлаков не стал светить у барачков служебный автомобиль, велел водителю остановиться за углом, а сам побежал к зданию. Всего барачков было три, перед одним уже топталась кучка полуодетых жильцов.

Террорист обитал на втором этаже. Попасть на второй этаж можно было, поднявшись по деревянной скрипучей лестнице, переходящей в деревянную же неширокую галерею с навесом, на которую и выходили двери всех шести квартир. Рядом с каждой входной дверью располагалось небольшое окно, видимо, кухни. Из открытой форточки од-

ного из окон неслась громкая мужская брань, довольно разнообразная, с однообразной угрозой – взорвать всех к чертовой матери.

Бурлаков, не показываясь, прижавшись к стене, деликатно постучал в окно, прервав тем самым поток брани и угроз.

– Это кто? – спросил после паузы хозяин. – Валька, ты, шалава? Привела?

– Это я, – сказал Вадим Сергеевич. – Полковник Бурлаков. Пришел выслушать ваши требования.

– Какие еще требования? – опешил террорист. – Ты кто вообще?

– Я же сказал: полковник Бурлаков, Вадим Сергеевич. Представляю правоохранительные органы. Послан выслушать ваши требования и удовлетворить их. В пределах разумного, разумеется.

– Что за хрень? Какие еще требования? Где Валька?

– Вы же заложника захватили? Хотите всех тут взорвать? Значит, у вас есть какие-то требования. У всех террористов всегда есть требования. Вы сколько хотите – сто тысяч, двести? Самолет?

– Пошел на ... со своим самолетом. Валька где?

– Вальке скорую вызвали.

– Зачем?

– А зачем ты ее гранатой пугал? Просто так? Небось, и граната-то учебная?

– Сам ты учебный, мент! Настоящая граната!

– Да где б ты ее взял, настоящую?

– Купил! Места надо знать, представитель... органов!

– Жену зря напугал, сердце у нее прихватило, – соврал

Бурлаков. – А про гранату, поди, брешешь? «Настоящая»! –

передразнил он. – Вот Валька и подумала, что настоящая.

Что женщины в гранатах понимают? Это я, допустим, могу сходу определить, настоящая или учебная.

– Ну, определи, такой умный! – и в форточке показалась рука с зажатой в ней гранатой.

– Что ты там машешь? Ты ж мне весь свет спиной закрыл! Хоть бы лампочку над дверью вкрутил, ни черта не видно!

– Да чего ты бубнишь там? Не разбираешься, так и скажи, а то – свет! Кто тебя только на переговоры послал!

– Да ты специально так показываешь, чтобы видно не было!

– На, смотри, раз слепощарый, мне не жалко, – и он высунул кисть за форточку.

Вадим Сергеевич правой рукой, как клещами, вцепился в руку террориста (откуда и сила и прыть взялись, есть еще порох в пороховницах! – думал потом, когда все закончилось) и сдавил запястье, а левой зажал пальцы, чтобы не выпустили гранату. Двое сопровождавших его полицейских, замерших у входной двери, налегли на хлипкую фанеру и ввалились в прихожую. Отмерший после секундного замешательства террорист дернулся было, но Бурлаков словно закаменел.

Пальцы потом разжать получилось не сразу, помогли полковнику ребята. ОМОН подоспел к развязке, изучил гранату и подтвердил – она все же оказалась учебной.

На утренней планерке Бурлаков услышал много всего в свой адрес, не очень лестного и очень не лестного. Дело в том, что местное телевидение сработало оперативно, и уже в утренних новостях рассказало о героическом поступке работника правоохранительных органов полковника Бурлакова. Губернатор уже успел предложить генералу поощрить геройского сотрудника. Граната хоть и оказалась учебной, но этого же никто не знал, и могло случиться самое худшее.

– Вот именно! – сказал (проорал) генерал на планерке в числе прочего. – Могло случиться самое худшее в результате твоей самодеятельности! Ты подверг опасности людей! Тебе запахло было дожидаться ОМОНа, популярности захотелось? Вот я от себя лично тебя поощрю строгачом, а в качестве губернаторского поощрения заменю его просто выговором и назначу служебное расследование. А теперь идите все работайте, пионеры-герои!

Вернувшись в свой кабинет, полковник достал чистый лист бумаги и написал заявление о предоставлении ему очередного отпуска, который как раз приближался. Это был редчайший случай, когда он уходил в отпуск согласно графику. К просьбе об отпуске Вадим Сергеевич присовокупил строку: «с последующим увольнением по выслуге лет».

– Мы за эти дни такое пережили, – подытожила Лида с

тяжким вздохом. – Я боялась к нему подойти. Вадик, конечно, старался держать себя в руках, но атмосфера в доме была грозная. Полжизни – псу под хвост. Он и в санаторий надумал ехать, чтоб на мне не сорваться. Чтоб не мелькала у него перед глазами каждый день моя тревожно-вопросительно-сочувствующая физиономия!

– Ну зачем так мрачно, – с долей снисхождения решила утешить гостью Раиса Георгиевна, – жизнь-то ведь на этом не кончается. Еще ни один силовик без работы не остался. В охранные структуры подастся. Пенсию-то ваш муж выслужил?

Лидия Федоровна смерила ее пренебрежительным взглядом – что б ты понимала! Приехала тут! Подруга юности...

– При чем тут пенсия? – снизошла Лида до объяснений. – Это вся его жизнь – преступников отлавливать. Он ничего другого и делать-то не умеет. Он зачахнет без этой своей проклятой работы!

– Ну а чего тогда обиды копить? Что, у него никогда взысканий не было? – продолжала Раиса Георгиевна мерзким чиновничьим тоном – она не могла вот так легко простить этой «подруге Лиде» выматывающих часов в полиции.

– Были, – вздохнула Лида, – но тут все по-другому, понимать надо. Несправедливо. Он же не ради браводы рисковал.

– Просто у Вадима Сергеевича наступила психологическая усталость, – включилась Зоя, разруливая ситуацию, – у него случилось профессиональное выгорание.

Раиса Георгиевна закатила глаза и пожала плечами – фу ты, ну ты, какие страсти! Прямо диагноз! Лидия Федоровна взглянула на Зою с благодарностью: вот умеет же человек найти нужные слова в нужный момент! И продолжила:

– Конечно, если бы граната оказалась не учебной... Если бы случилось страшное... Головы бы полетели! И у генерала – первого. Его несдержанность тоже можно понять. Но там же пацан был! Решение надо было принимать немедленно. Ну ладно, я вас тут окончательно загрузила своими проблемами. У вас-то что стряслось?

– У нас тоже стряслось, – вздохнула Зоя Васильевна и изложила события истекшего дня, не касаясь Раиной лавстори. Вернее, изложила ее в усеченном виде, как и в полиции при опросе.

– Но раз у вас такое... И Вадим Сергеевич уехал... Ты нам, конечно, ничем помочь не сможешь...

– Да чем же я могу помочь? Нет, ну как это у тебя получается?

– Что – это?

– Да все эти приключения. Ну, редкий же человек сможет вот так периодически вляпываться в криминальные истории. Но что характерно, ты их как бы и не ищешь, они тебя сами находят, – справедливости ради добавила Лида, словно извиняясь за свою резкость, и выразительно посмотрела в сторону Раисы Георгиевны. Определенно, симпатии друг к другу сразу у них не возникло.

– Карма, видать, – обреченно вздохнула Зоя и столь же выразительно взглянула на Лиду – мол, а сама-то ты совсем уж не при делах? – Ну, давайте собирать ужин, – продолжила она, – как бы там ни было, а есть зверски хочется.

За ужином разговор продолжал крутиться вокруг убитого, предположительно, Купцова.

– Узнать бы точно, он это или не он, – печалилась Рая.

– Вот что, – решила Зоя, – все-таки завтра съездим еще раз на Беякова. Заходить не обязательно, – предупредила открывшую, было, рот Раю, – там же не очень далеко гаражи, укроемся за ними и понаблюдаем.

– Как понаблюдаем?! Была бы там хотя бы детская площадка возле дома, можно было бы с бабулями поговорить или с мамочками! С гаражами не пообщаешься. Там же вообще какая-то мертвая зона возле этого дома, тьфу-тьфу-тьфу! Мы сидели на лавочке битый час, и за все время только двое в подъезд вошли-вышли.

– Ну вообще... понаблюдаем. Все равно, если убитый – Купцов, будет какая-то движуха возле дома. Возможно, полиция. Может, кто-то выйдет из подъезда в черном наряде, возможно даже – сама жена Купцова.

Рая даже головой затрясла, прогоняя с глаз представившуюся картину. Конечно, к жене Олега она испытывала резкую антипатию, но увидеть ее в траурном вдовьем наряде – это было бы слишком! Пусть уж лучше Купцов будет с пузом и лысым, но живым, а тот убитый, который с пузом, пусть

будет не Купцов. С ним она ведь незнакома.

– Нет, – сказала Рая, – это слабая надежда. А потом, как бы мы ни укрывались, сверху из окон нас все равно будет видно. Еще не хватало, чтобы бдительные соседи доложили ментам о двух подозрительных тетках, тусующихся за гаражами. Еще за наркоманок нас примут, что схрон там устраивают. Тогда уж вообще не отмоемся, по совокупности.

Лидия Федоровна помалкивала, лишь переводила взгляд с Зои на Раю и обратно.

– В этом вопросе я, пожалуй, смогу помочь, – задумчиво уронила Лида, и дамы уставились на нее с проснувшейся надеждой. После того, как они поняли, что Бурлаков им не помощник, интерес к Лиде у них угас сам собой.

– Позвонишь Вадиму Сергеевичу? – обрадовалась Зоя.

– Исключено! Позвоню лучше Илюшке.

– Кто это – Илюшка?

– Зоя, ты должна его помнить, у Вадика работает. Такой бравый капитан, Илья Соловьев, анекдотчик, душа компании и любимчик женщин. И любитель тоже! Ты как-то видела его у нас на дне рождения Вадика.

– Что-то припоминаю... А жена – такая бледненькая, молчаливая, малообщительная?..

– Бледненькая-то бледненькая, но в кулачке его крепко держит! Что, однако, не мешает ему иногда сходить налево.

– И он согласится помочь? Узнает, как идет расследование?

– Смотря чем помочь. Подключиться к расследованию – вряд ли, какие у него основания? Где Артюховск – и где Астрахань! А вот узнать у здешних коллег фамилию убитого – просьба, думаю, вполне выполнимая, не в ход же расследования вмешиваться.

– Лида, ты прямо как профессионал рассуждаешь!

– А если Илюшка откажется? – засомневалась Раиса Георгиевна, в волнении меряя комнату шагами.

– Не откажется. Он у меня на крючке.

Рая за спиной Лиды показала Зое оттопыренный большой палец – дескать, подруга у тебя – что надо!

– Шантаж? – уточнила.

– Ну, если тебе так нравится, пусть будет шантаж.

– А что ты ему скажешь? Расскажешь все как есть? Не хотелось бы.

– Да я и выдумывать ничего не буду. Почти. Скажу, что убитый, возможно, бывший муж моей подруги, а она случайно узнала про убийство из телевизора и переживает, хоть и бывший. По описанию на мужа похож. Это его не удивит. Просто женская солидарность.

– Но разве подруга не может позвонить экс-супругу по телефону, спросит у тебя Илюшка?

– А они расстались врагами и не общаются!

– Это аргумент. Годится!

– А крючок-то надежный? – обеспокоилась Рая. – Не соскочит?

– Вполне надежный! Последний его романчик случился с моей знакомой, и Илюшка знает, что я о нем знаю, и трясется, как осиновый лист. А мне очень нравится его жена, и я не хочу ее расстраивать, потому что все его романчики заканчиваются возвращением домой. Может, она и сама в курсе его хождений налево, да делает вид, что ничего не подозревает. Такая у нее линия поведения. Характер – кремень. Может, любит или дорожит сильно, не хочет потерять. Да и не в моих правилах лезть в чужие личные дела, пусть сами разбираются. Она далеко не дура, и знает своего мужа как облупленного.

– Никогда не понимала таких женщин, – покачала головой Зоя Васильевна, – никакого чувства собственного достоинства. Ну ладно, давайте ночь делить, денек сегодня был очень насыщенный.

Однако всем не спалось. Каждая в своей постели вздыхала и ворочалась. Постелей у Зои Васильевны имелось три: диван в зале, кровать в ее спальне и кресло-кровать в бывшей веранде, переоборудованной в кабинет-библиотеку – в ней располагался старенький письменный стол с компьютером на нем и книжный шкаф.

– Вот почему у мужиков появляется пузо? Они же не рожали, мышцы живота у них не растягивались, – сев в постели на своем диване, ни с того ни с сего брякнула Раиса Георгиевна, вернувшись к своей идее-фикс. Она не знала, как ей начать разговор, и пошла кратчайшим путем.

Переволновавшаяся за бурный день Лидия Федоровна, словно знака ждала, тоже уселась в своем кресле-кровати:

– А у меня мужики с животиками активного протеста не вызывают. Вот лысых я почему-то не люблю. У мужика должна быть в любом возрасте шевелюра, хотя бы остатки ее, хоть три волосинки, но с такими благородными седыми висками.

Зоя Васильевна тоже уселась в кровати, опершись о прохладную стену.

– Например, как у твоего мужа? – уточнила она с легкой подковыркой. Зоин муж умер, не дожив до печального этапа облысения и выросшего живота. – А я, девочки, самая капризная. Мне вообще нравятся мужчины худощавые, поджарые и с такой шевелюрой... Знаете, соль с перцем.

– Как у твоего шамана? – не осталась в долгу Лида.

– Ого! А кто у нас шаман?

– Да был тут у нас один знакомый шаман.

– Прекрати, Лида! Никакой он не мой, и вообще, когда это было!

– Было-было! Да, увы, сплыло. Про... как бы это помягче выразиться... проморгала наша Зоя шамана.

– Что, настоящий шаман? Ой, девочки! Никогда шаманов не видела. Вот бы нам сейчас сюда шамана! Он бы нам не помешал.

– Самый настоящий. На Акылбая стоило бы посмотреть. Мало того, что шаман, еще и мужик интересный, и к Зое

неровно дышал. Теперь уж, наверно, нашел там себе на Алтае кого-нибудь.

– Акылбай? Что за странное имя?

– Ничего не странное, – возмутилась Зоя со своей кровати. – Старинное казахское имя, означает «богатый умом». Он из древнего шаманского рода.

– Самое то имечко для шамана, – подала с кресла голос Лида.

– А чего ж ты его про... моргала? – удивилась Рая. Мужиков надо уметь удерживать, особенно, если что-то стоящее попадает.

– Верно, – согласилась Лида, словно забыв напрочь тот отрезок своей жизни, когда подобрала алкоголика Гарика и нянчилась с ним, как с чем-то стоящим.

– Как Илюшкина жена? Ну, нет, – не согласилась Зоя, будь он хоть трижды стоящий.

– Да в любом случае надо уметь удерживать, даже если он не очень стоящий, – подкорректировала Рая, – вполне возможно, что из него что-то стоящее со временем получится.

– Это, в принципе, верно, – согласилась Лида.

– А если не получится со временем? Стоит ли удерживать? – намекнула Зоя

– Ну, тут уж пятьдесят на пятьдесят. Как говорится, лучше сделать и жалеть, чем жалеть о несделанном.

– Это все лишь теоретически верно!

– А тебе самой, Рая, приходилось удерживать? – заинте-

ресовалась Лида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.